

孔子

Беседы
и суждения

К
О
Н
Ф
У
Н
Ц
И
Й

УДК 1(091)(510)
ББК 87.3(5Кит)
К 65

Текст печатается по:

*П. С. Попов. Изречения Конфуция, учеников его и других лиц.
СПб, 1910*

Оригинал-макет подготовлен ООО «Артефакт-пресс»

Конфуций

К 65 Беседы и суждения / перев. с кит., предисл. П. С. Попова. – Москва.: Артефакт-пресс, ООО Издательство АСТ, 2016. – 208 с.: ил.

ISBN 978-5-17-095864-1

Конфуций... Его имя по-китайски звучит как Кун-цзы, а переводится как Мудрец Кун. Он был крупнейшим мыслителем и ученым. Его изречения передаются изустно из века в век. Его именем названо течение в философии, которое живет и развивается вот уже более пятнадцати веков. Его учение давно распространилось за пределы Поднебесной и обрело почитателей во всем мире. Перед читателем – поистине сокровищница древней китайской мудрости, не теряющей своей актуальности, выразительности и глубинного этического смысла и поныне.

Ученики записали его высказывания, обобщив их в книге, название которой по традиции переводится как «Беседы и суждения».

Книга проиллюстрирована многочисленными произведениями древней и средневековой китайской живописи, в том числе и выполненными по шелку.

ISBN 978-5-17-095864-1

УДК 1(091)(510)
ББК 87.3(5Кит)

КОНФУЦИЙ

Если верить китайцам, род Конфуция должен считаться одним из древнейших родов в мире. Они ведут его родословную за 11 веков до Р. Х. от Ци, старшего брата Чжоу-синя, последнего государя иньской династии, получившего потом от чжоуского князя Чэн-вана удел Сун. Но ближайшим родоначальником китайского мудреца, от которого он унаследовал свое прозвание, был Кун-фу-цзя, живший за семь веков до Р.Х., правнук которого и прадед Конфуция вынужден был из-за родовой вражды с влиятельной фамилией Хуа переселиться в Царство Лу, где, получив в управление город Фан, стал именоваться Фан-шу.

Отец Конфуция Шу Лян-хэ, говорят, был храбрый воин, обладавший богатырской силой, а мать его по имени Чжэн-цзай происходила из фамилии Янь. Не имея от первой жены сыновей, за исключением одного убогого Мэнни, на которого нельзя было рассчитывать как на продолжателя рода, Шу Лян-хэ, несмотря на свой семидесятилетний возраст, взял другую жену – именно Чжэн-цзай. От этой-то четы в 551 г. до Р. Х. в уезде Цзоу, которым управлял его отец, родился Конфуций. При рождении ему было дано имя Цю, а впоследствии ему дали прозвание Чжун-ни.

Имя «Цю» и прозвание «Ни» даны были Конфуцию его родителями в память о горе, на которой они молились о даровании им сына.

О детстве Конфуция, как это ни странно, мы почти не имеем никаких сведений; рассказывают только, что он любил играть, расставляя жертвенные сосуды и представляя разные обряды. Уж не послужила ли эта детская склонность к развитию в нем страсти и педантического благоговения к церемониям, которые сковали всю последующую жизнь Китая?

Недостаток средств, а может быть и смутные времена удельного периода, когда было не до науки, лишили Конфуция возможности получить в молодости правильное образование, несмотря на то, что у него, по его собственным словам, в пятнадцать лет была охота учиться. В девятнадцать лет он женился на девице из семейства Цянь-гуань, а в следующем году у него родился сын Ли (кит. – карп), которому он дал это имя, будучи тронут вниманием князя, приславшего ему в ознаменование этого счастливого семейного события пару карпов. Как бы то ни было, но тот факт, что владетельный князь удостоил Чжун-ни по случаю рождения у него сына подарком, указывает, что Конфуций, несмотря на свои двадцать лет, был уже некоторым образом известен князю. (Обычай посылать карпов в подарок по особенно счастливым и приятным случаям до сих пор сохраняется в Китае. Так, Ли-Хунь-чжан послал в 1897 г. князю Ухтомскому двух карпов как выражение того, насколько он был рад его видеть).

Вскоре после этого события мы встречаем Конфуция в качестве смотрителя хлебных магазинов, затем в должности смотрителя жертвенных животных. Так как, представая в некоторых памятниках в качестве смотрителя хлебных магазинов, он именовался чиновником фамилии Ци, то из этого можно заключать, что он был сначала на службе не у самого луского князя. Как бы то ни было, но служебная карьера ему, по-видимому, не улыбалась, о чем можно заключать из того, что в двадцать два года он является в качестве учителя, вокруг которого собирается немало молодых людей, жаждущих познакомиться с церемониями и истинами древней мудрости, и Конфуций, по его собственным словам, не отказывал в наставлении никому, кто являлся к нему со связкой вяленого

мяса (т. е. платой за учение) и с горячим стремлением к познанию истины («Лунь-юй». Гл. VII.). Такой учительской деятельностью он занимался до тех пор, пока ему не представился случай, благодаря богатству и влиянию двух новых учеников своих – Хэ-цзи и Нань-гуань-цзин-шу – осуществить свою заветную мечту совершить путешествие к сюзеренному двору в столицу Ло (в Хэ-паши) для изучения на месте чжоуских церемоний и древностей и чтобы расспросить о них Лао-цзы, который будто бы был придворным библиотекарем. О свидании этих двух мудрецов ни классические книги, ни история не сохранили нам ничего заслуживающего внимания, за исключением нескольких банальных фраз. Так, например, Конфуций, после свидания с Лао-цзы, сказал своим ученикам: «О птице я знаю, что она может летать, о рыбе, что она может плавать, и о животном, что оно может ходить; птица может быть поражена стрелой, рыба поймана удочкой, а животное – тенетами. Что же касается дракона, то я не могу знать, что с ним можно сделать, потому что он на облаках уносится в небеса. Я видел Лао-цзы – не походит ли он на дракона?»

Оставляя в стороне подобные рассказы, мы должны заметить, что путешествие это, несомненно, обогатило пытливым ум Конфуция новым запасом сведений по части церемоний, истории, языка и древности и в то же время подняло его значение как ученого. Вероятно, благодаря этому число учеников его по возвращении из Ло значительно возросло.

Но ему не пришлось долго отдыхать в своем отечестве; в нем начались большие смуты, обязанные своим происхождением возмутительному поведению трех знатных фамилий – Цзи, Мэн и Шу – по отношению к своему государю, князю Чжао, который после безуспешной борьбы с ними в двадцать пятый год своего княжения принужден был бежать в соседнее царство Ци; за ним последовал туда и Конфуций. В Ци в то время княжил Цзин-гун. Своими политическими беседами с этим князем, которому, между прочим, на его вопрос об управлении он сказал, что доброе правление может быть только там, где государь – государь, министр – министр, отец – отец и сын – сын («Лунь-юй». Гл. XII.), Конфуций настолько успел снискать его расположение, что князь готов был дать ему землю под аренду в Ни-ци, если бы против этого не восстал первый министр Янь-ин. Эта неприятность в соединении с недовольством этикетом, который князь хотел приложить по отношению к Конфуцию, сделала дальнейшее пребывание его в княжестве Ци довольно щекотливым, и он опять возвратился в Лу.

Он застал свою родину в состоянии ужасных смут. Чжао-гун продолжал оставаться в княжестве Ци, где вскоре и умер, и на место его был возведен брат его, известный под именем Дин-гун (509 г. до Р.Х.). Известные знатные фамилии Цзи, Мэн и Шу, державшие в руках своих государей, сами не в состоянии были обуздывать своих подчиненных; один из них – Ян-ху – открыто поднял знамя восстания. Такое положение дел заставило Конфуция отказаться от служебной деятельности на долгие годы, которые были им посвящены поэзии, истории, церемониям и музыке. Богатый материал для разработки этих предметов он нашел, конечно, в том, что он видел и что вывез из своего путешествия в столицу чжоуских царей. Немалое утешение он находил в учениках, которых у него была масса. Проповедник порядка и законности, мудрец едва сам не был увлечен на путь беспорядка и беззакония духом того времени, когда бесправие и необузданный произвол были общим правилом, а право и разумная свобода – редким исключением. Конфуцию был уже 51 год, когда некто Гун-шань-бунь, взбунтовавшись против фамилии Цзи, пригласил его присоединиться к восстанию. Мудрец был готов согласиться, но против этого восстал ученик его, Цзы-лу. Учитель, по-видимому, неохотно уступил своему ученику, как об этом можно заключать из следующего ответа его Цзы-лу: «По всей вероятности, он не попусту пригласил меня. Если бы нашелся человек, который бы воспользовался мной, разве я не создал бы восточное Чжоу?»

Вскоре за сим Дин-гун назначил Конфуция правителем города Чжун-ду в округе Дун-пин. В течение своего годичного управления он до такой степени упорядочил вверенный ему город, что все окрестные правители хотели подражать ему. Такая блестящая деятельность его как администратора доставила ему более высокий пост товарища министра работ Сы-куна, затем Министра уголовных дел (Ды-сы-коу). Вслед за сим он в качестве первого министра, сопровождал своего князя Дина на свидание с циским князем Цзином, имевшее место в местечке Цзя-гу, и своим тактом, осторожностью и знанием приличий до такой степени пристыдил циского владетеля, что он возвратил некоторые земли, отрезанные у Лу. Желая ослабить силу и влияние трех вышеупомянутых знатных домов, Конфуций добился того, что два из них согласились разрушить свои укрепленные города. Как министр уголовных дел он отличался полным беспристрастием в отправлении правосудия. В течение трех месяцев он, говорят, успел настолько изменить распущенные нравы своих соотечественников, что в княжестве Лу восстановился полнейший порядок. Необычная реформа, которая при дальнейшей деятельности Конфуция должна была повести к быстрому усилению княжества Лу, навела такой страх на соседнее царство Ци, что там немедленно было решено принять меры к тому, чтобы парализовать дальнейшую благотворную деятельность Конфуция по упрочению доброго правления и порядка в Лу. С этой целью решено было прибегнуть к излюбленному в Китае средству – воздействию на чувственность правителей. В Лу немедленно было отправлено в подарок князю 80 красивейших циских девиц с музыкальными инструментами, вероятно певиц. Результаты этой хитрости оказались вполне блестящими. Князь и вельможа Ци-хуань были настолько очарованы красавицами, что не только перестали заниматься государственными делами и совершенно забыли о Конфуции, но даже, после великого жертвоприношения, не послали сановникам остатков жертвенного мяса. После такого ужасного нарушения великого обряда и пренебрежения делами правления Конфуций решился оставить свою злополучную родину и направился в царство Вэй (на границе Чжи-ли и Хэ-нань).

С этого времени начинается его скитальческая жизнь по разным княжествам, продолжавшаяся двенадцать лет (с 495 по 483 гг. до Р.Х.) и сопровождавшаяся разными приключениями. Так, в начале своих странствований на пути из Вэй в Чэнь (в Хэнань) он подвергся нападению со стороны жителей местечка Куан, принявших его по наружному сходству за Ян-ху, которому они хотели отомстить за его жестокое обращение. Когда сопровождавшие его ученики испугались, то Конфуций, стараясь успокоить их, сказал: «Разве после смерти Вэнь-вана просвещение не заключается во мне? Если бы Небо хотело погубить это просвещение, то без сомнения оно не сделало бы меня причастным к нему, а так как оно вручено мне, значит Небо не хочет погубить его, а в таком случае, что же могут сделать мне куанцы?» («Лянь-юй». Гл. IX.). Освободившись от этой опасности, Конфуций не продолжал своего пути в Чэнь, а возвратился в Вэй, где с ним приключился другой случай, хотя и не такой опасный, но зато бросающий неблагоприятную тень на его нравственный облик – это свидание его с развратницей Нань-цзи, женой владетельного князя Лин-гуна, которое заставило его поклясться пред своим учеником Цзы-лу в невинности этого свидания. «Пусть отвергнет меня Небо, если с моей стороны было что-нибудь предосудительное», – сказал мудрец («Лянь-юй». Гл. VI.). Мало того, он сопровождал князя с Нань-цзи в прогулке по городу. И такое неприличие, с точки зрения китайских церемоний, сделано было лицом, которое во время управления города Чжун-ду в видах соблюдения чистоты нравов установило, чтобы женщины ходили по одной, а мужчины – по другой стороне улицы. Значит, и китайский мудрец иногда поступался своими принципами в угоду сильным мира сего.

Из Вэй Конфуций отправился в Сун. Следуя туда через Цао, он расположился со своими учениками под деревом для упражнения в церемониях. Сунский офицер Хуань-туй приказал срубить дерево и умертвить Конфуция, который успокоил испугавшихся учеников, назвав себя носителем небесной добродетели, которому Хуань-туй, конечно, ничего не может сделать. Отсюда он направился в Чжэн, где у городских ворот отстал от своих учеников. Цзы-гун, отыскивая его, обратился к одному туземцу, который сказал ему, что у восточных ворот он видел человека, лоб которого походил на лоб императора Яо, шея – на шею императора Гао-тао, плечи имели сходство с плечами Цзы-чаня; вообще же он имел несчастный вид, словно заблудившаяся собака.

Из Чжэна он направился в Чэнь, где прожил три года и затем возвратился опять в Вэй. На пути туда он попался в руки возмущившегося вэйского офицера, который отпустил его под клятвой не идти в Вэй; Конфуций спокойно нарушил эту клятву, находя, что она, как вынужденная обстоятельствами, не могла иметь обязательной силы. Вообще, как видно, китайский философ часто действовал сообразуясь с обстоятельствами, а не со своими убеждениями. Вэйский князь Лин-гун, хотя и принял Конфуция с почетом, но никакой должности ему не предложил, несмотря на его заявление, что если бы какой-нибудь из князей и принял его на службу, то он в течение трех лет привел бы управление княжеством в совершенный порядок.

Дух авантюризма, которого, по-видимому, не чужд был Конфуций, едва не увлек его из Вэя в Цзинь, куда призывал его Би-си, правитель города Чжун-моу, возмущившийся против своего правителя. Опять тот же Цзы-лу выступил со своим увещанием в следующем роде: «Когда-то я слышал, как ты, Учитель, сказал: благородный муж не входит в общение с людьми, делающими зло. А Би-си – мятежник. Как же ты пойдешь к нему?» На это Конфуций, по-видимому, несколько не смутившись, отвечал: «Совершенно верно, я говорил это. Но не говорил ли я также, что твердое не становится тонким от трения, а белое не чернеет от погружения в черную краску? Разве я тыква-горлянка, чтобы мне висеть и не быть съеденным?» Несмотря на страстное желание философа играть выдающуюся политическую роль – желание, которое так сквозит в его ответе, благоразумный совет его ученика взял верх, и он отказался от своего намерения и снова направил стопы свои в княжество Вэй. Как видно, и в этот раз здесь ему не повезло, и когда князь Лин обратился к нему с вопросом о стратегии, то он, как поборник мира, не удостоив его ответом, немедленно удалился и направился в Чэнь.

Во время пребывания его здесь в царстве Лу умер временщик Цзи-хуань-цзы и на смертном одре завещал своему сыну Кан-цзы непременно вызвать Конфуция; но последний по совету своих приближенных пригласил вместо него ученика его, Жань-цю. После этого случая, огорченный и разочарованный в своих надеждах лично переустроить Китай по своему образцу и водворить в нем мир и тишину, он, как бы в минуту овладевшего им отчаяния, воскликнул: «Пора мне возвратиться домой! Пора мне возвратиться домой!» Но прежде чем возвратиться в отечество ему еще пришлось долго вести скитальческую жизнь и даже снова подвергаться опасностям. Так, по дороге из Чэня в Цай у путешественников истощилась провизия, и они голодали целых семь дней. Ученики его совершенно упали духом, но Конфуций со спокойствием истинного стойка переносил это несчастье.

Из Цая он отправился в Шэ (в провинции Хэ-нань). К этому времени (490-е гг. до Р.Х.) относится встреча его на пути в Чу с одним чуским юродивым по имени Цзе-юй, который, проходя мимо повозки Конфуция, пел: «О, Фын-хуан! До какой степени упали твои качества! За прошлое не стоит укорять, но будущее еще поправимо. Оставь, оставь! Теперь участие в управлении опасно». При этих словах Конфуций вышел из повозки, желая поговорить с юродивым отшельником, но последний скрылся. По тол-

кованию китайцев птица Фын со своей подругой Хуан появляется на земле тогда, когда на ней царствуют правда и мир. Приравнивая Конфуция к этой птице, юродивый отшельник хотел в своей песне сказать: ты забыл свою природу, стремясь к власти в годину смут и нестроения; но еще не поздно. Оставь свои честолюбивые намерения и скройся от мира, в котором участие в управлении грозит бедой!

После этого счастье, по-видимому, улыбнулось неугомонному старику – его пригласил к своему двору в Сян-ян чуский Чжао-ван; мало того, он, говорят, сам довез его до своей столицы и хотел пожаловать его большими землями в кормление, но этому воспротивился первый министр Лин-инь, представив князю всю опасность пожалования Конфуцию больших земельных владений. Вот как передает этот факт Сыма-цзянь в своих «Исторических записках». Когда шла речь о пожаловании Конфуцию обширных земель, то министр Цзы-си, обратясь к князю, сказал: «Есть ли между Вашими посланниками при дворах князей такие, как Цзы-гун?» «Нет», – отвечал князь. «Есть ли между Вашими советниками такие, как Цзы-лу?» «Нет», – был ответ. «А есть ли у Вас такие правители, как Цзы-юй?» «Нет. Что касается Кун-цю, то он излагает систему управления трех чжоуских государей и уяснил себе деяния Чжоу-гуна и Шао-гуна. Если Кун-цю получит землю и будет иметь помощниками своих достойных учеников, то это не послужит к благополучию чуского дома».

Эта новая неудача заставила Конфуция снова возвратиться в Вэй, где Лин-гун уже умер, и наследник его Чу изъявил желание, чтобы Конфуций принял на себя управление, но он почему-то отклонил от себя эту честь. В это время Жань-цю, бывший военачальником у фамилии Цзи, отличился в войне с Ци, и Цзи-кан (или Кан-цзы), узнав от Жань-цю, что он научился военному искусству у Конфуция, вызвал последнего в Лу, для чего за ним было отправлено специальное посольство. Возвращение его имело место в одиннадцатый год правления Ай-гуна (483 г. до Р.Х.), когда ему уже минуло шестьдесят восемь лет.

Усталый и разочарованный, Конфуций не искал уже более службы, зная по долгому горькому опыту всю бесполезность этого стремления, и занялся учеными работами – составил предисловие к «Шу-цзи-ну», привел в порядок обрядник, урезал древние стихотворения, оставив из трех тысяч всего триста пять и переложив все их на музыку, упорядочил самую музыку. На склоне лет он с особенной любовью занимался «И-цзином», «Книгой Перемен», на которую составил пояснения, кои, по-видимому, не вполне удовлетворяли его самого, о чем можно заключить из следующих слов его: «Если бы мне прибавили еще несколько лет жизни для окончательного изучения «И-цзина», тогда бы я мог обойтись без больших ошибок» («Лунь-юй». Гл. VII.).

Кроме того, он был занят составлением летописи «Чунь-цю» («Весны и Осени»), обнимающей историю луского княжества за 242 года, начиная с князя Иня и оканчивая 14-м годом княжения князя Ай-гуна, т. е. с 722 по 480 гг. до Р.Х. Рассказывают, что в этом году на охоте был пойман Ци-линь, будто бы тот самый зверь, который появлялся незадолго до рождения Конфуция, рога которого мать мудреца украсила тогда лентой. Глубоко опечаленный появлением этого чудесного зверя, предвещавшего его близкую кончину, Конфуций сломал кисть и уже более не продолжал своей летописи. Спустя два года он скончался семидесяти трех лет в шестнадцатый год правления Ай-гуна, соответствующий 478 г. до Р.Х. Говорят, у него было три тысячи учеников, но из них только семьдесят два понимали в совершенстве весь округ тогдашнего образования, обнимавший шесть предметов, а именно: церемонии, музыку, стрельбание из лука, управление колесницей, письмо и арифметику. Все ученики носили по своему Учителю трехгодичный траур, и только Цзы-гун прожил на его кладбище шесть лет.

П. С. Попов

Глава 1.

НЕ ПРИЯТНО ЛИ УЧИТЬСЯ...

Философ сказал: «Не приятно ли учиться и постоянно упражняться? Не приятно ли встретиться с другом, возвратившимся из далеких стран? Не тот ли благородный муж, кто не гневается, что он не известен другим?»

Все люди по природе добры, но одни из них прозрели раньше, а другие позже, поэтому позже прозревшие только при обязательном условии подражания знаниям и поступкам прежде прозревших могут очистить свою природу и возвратить ей ее первобытные совершенства.

Ю-цзы¹ сказал: «Редко бывает, чтобы человек, отличающийся сыновнею почтительностью и братскою любовью, любил бы восставать против старших, и никогда не бывает, чтобы тот, кто не любит восставать против высших, захотел произвести возмущение. Совершенный муж сосредоточивает свои силы на основах; коль скоро положены основы, то являются и законы для деятельности. Сыновняя почтительность и братская любовь – это корень гуманности».

Гуманность – это закон любви и свойство человеческого сердца, а послушание и братская любовь – это ее проявления.

Философ сказал: «В хитрых речах и во вкрадчивом выражении лица редко встречается гуманность».

Цзэн-цзы² сказал: «Я ежедневно исследую себя в трех отношениях: обдумывая что-либо для других, был ли я предан им, был ли искренен в отношениях с друзьями и усвоил ли я то, что было преподано мне Учителем».

Философ сказал: «При управлении княжеством, имеющим тысячу колесниц, необходимы постоянное внимание к делам и искренность в отношении к народу, умеренность в расходах и любовь к народу со своевременным употреблением его на работы».

По мнению Чэн-цзы, блестящее правление Яо и Шуня заключалось только в осуществлении в полной мере этих пяти принципов.

Философ сказал: «Молодежь дома должна быть почтительна к родителям, вне дома – уважительна к старшим, отличаться осторожностью и искренностью (правдивостью), обильною любовью ко всем и сближаться с людьми

一七 秦廣大王

гуманными. Если по исполнении сего останется свободное время, то посвящать его учению».

Цзы-ся³ сказал: «Если кто из уважения к людям достойным отказывается от похоти, служит родителям до истощения сил, государю – до самопожертвования и в сношениях с друзьями честен в своих словах, то я, конечно, назову такого ученым, хотя бы другие признали его невежей».

Глава 1.

Учитель сказал: «Если совершенный муж (цзюнь-цзы) не солиден, то он не будет вызывать уважения к себе в других, и знание его не будет прочно. Поэтому поставь себе за главное преданность и искренность; не дружись с людьми, которые хуже тебя; если ошибся, не бойся исправиться».

Цзэн-цзы сказал: «Если мы будем рачительны в отдаении последнего долга родителям и будем вспоминать (т. е. приносить жертвы и проч.) об отшедших, то народная нравственность улучшится».

Цзы-цин⁴ спросил у Цзы-гуна: «Философ, прибыв в известное государство, непременно собирал сведения об его управлении. Домогался ли он этого, или же ему сообщали их?» Цзы-гун отвечал: «Философ приобретал их благодаря своей любезности, прямоте, почтительности, скромности и уступчивости. Не отличался ли его способ собирания их от способа других людей?»

Философ сказал: «Кто при жизни отца всматривался в его намерения, а по смерти смотрит на его деяния и в течение трех лет не изменяет порядков, заведенных отцом, того можно назвать почтительным».

Несмотря на прямой и вполне согласный с китайской моралью смысл этого изречения некоторые толкователи с Чжу-си во главе придают ему совершенно другой смысл, а именно: «При жизни отца смотри на направление воли сына, а по смерти его – на его поступки». Но слова эти не согласуются и с последующей фразой о неизменении в течение трех лет порядка, т. е. образа деятельности отца, если слово «деяния» мы будем относить к сыну, а не к отцу.

Ю-цзы сказал: «В приложении церемоний (житейских правил) дорога естественная непринужденность, которая в правилах древних царей признавалась превосходной вещью и которой следовали и в малых и в больших делах. Но бывают случаи, что и она не действует, ибо знать только, что она дорога, и ограничиваться ею одною, не регулируя ее церемониями, также невозможно».

Смысл этого высказывания заключается в том, что церемонии или правила, определяющие всю деятельность человека, не должны нарушать естественной непринужденности; но, с другой стороны, и эта последняя, чтобы не сделаться разнузданностью, должна регулироваться первыми. По толкованию Чэн-цзы между церемониями, или житейскими правилами, и гармонией, или естественной непринужденностью, должно существовать полное равновесие без малейшего преобладания, и тогда только деятельность человека будет следовать правильным путем.

Ю-цзы сказал: «Если условие согласно со справедливостью, то сказанное можно исполнить. Почтение, если оно согласуется с нормою, избавляет

